

Адель Кутуй

Неотосланные
письма

ТАТАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Адельша Кутуев
Неотосланные письма

«Татарское книжное издательство»

1936

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Тат)-4

Кутуев А. Н.

Неотосланные письма / А. Н. Кутуев — «Татарское книжное издательство», 1936

ISBN 978-5-298-03340-4

Эта повесть видного татарского писателя Аделя Кутуя подняла его до высот мировой литературы. В ней освещаются общечеловеческие ценности: вопросы семьи, любви, взаимоотношений и актуальные по сей день темы женской самоотверженности, борьбы за счастье.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Тат)-4

ISBN 978-5-298-03340-4

© Кутуев А. Н., 1936
© Татарское книжное издательство, 1936

Содержание

Письмо первое	6
Письмо второе	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Адель Кутуй

Неотосланные письма

© Татарское книжное издательство, 2017

* * *

Адельша Нурмухаметович Кутуев

Письмо первое

Искандер!

Благодарю тебя за откровенное дружеское письмо.

Я несколько раз перечитала его. Оно лежит передо мной.

Теперь ты вдруг ощутил горечь нашей разлуки, ты тоскуешь, зовёшь, ты пишешь мне... И вот ты встаёшь в моей памяти – не избалованный, не эгоист, а тот, прежний, бесконечно любимый Искандер...

Это было восемь лет тому назад. Ты коснулся руками моего лица, пальцы твои легли на мои волосы, и с необычайной явственностью я – помню – ощутила тогда, как чёрные пряди, словно мягкое крыло птицы, скользнули по моей щеке.

Взгляд твой говорил о многом, но ты уронил первые пришедшие тебе в голову слова, которые лишь для меня звучали по-особенному. Что бы ни произнесли тогда твои уста, я услышала бы лишь те слова, которые ждала. Сейчас я с радостью думаю о прошлом. Я вспоминаю... Моя любовь к тебе, слышишь ли ты, Искандер, моя первая любовь и первая радость родились именно тогда. Воспоминания об этих минутах я храню в себе, как самое дорогое, лучшее. Только тогда ощутила я, как прекрасна жизнь, какое необычайное волнение, радость, счастье, именно счастье – жить.

От прошлого осталось ещё много грязи, пошлости, много недостойного настоящего человека, каким должен быть наш советский человек. И если в борьбе с несправедливостью и мерзостью меня порой охватывало отчаяние, то воспоминания о дорогих минутах согревали, придавали мне новые силы. Не удивляйся и не смейся, Искандер.

Помнишь ли ты нашу первую встречу?

Я любила мечтать. Мне всё чудилось что-то прекрасное, необыкновенное, зовущее, хотя мне было очень трудно жить, – ведь я была совсем одна, ещё глупенькая девчонка, – но я верила, что существует, есть это прекрасное, радостное. Я верила, мечтала, но всё это было в моём воображении, где-то в стороне от моей жизни. О чём мечтала я, чего ждала? Я сама не знаю. Это было неизъяснимое чувство без названия. Это было ожидание томительное и необычайное, как предчувствие. Представь себе, что ты стоишь на краю высокой скалы, прямо под небом и солнцем, вдыхаешь свежий морской воздух, хочешь лететь, но нет крыльев у тебя. Представь себе это, и ты поймёшь меня.

Я стояла на вершине скалы, у самого её края... Вдруг что-то толкнуло меня. Ветер. Свист. Я вскрикнула, закрыла глаза... я падала. И вдруг наступила тишина. За спиной моей незримые раскинулись крылья. Они плавно несли меня по воздуху. Я взглянула вниз – там было море.

Всё изменилось... Я стала иной.

Маленькая глухая татарская деревушка Ялгаш. В ней я родилась, в ней жил мой отец, он никогда не видел других мест. А я жила в Москве, побывала в Ленинграде, видела Харьков, Ташкент, Баку. Отец был неграмотный, а я, его дочь, свободно говорю не только на родном татарском языке, но и по-русски, по-английски. Отец всю свою трудную, полную лишений жизнь провёл пастухом, да так и умер возле овец. Возле чужих овец.

Он часто болел, бедняга, и ни разу ему не довелось увидеть врача. А я – дочь пастуха – сейчас сама врач.

В письме трудно рассказать, как я узнала, поняла жизнь, как я добилась всего этого и как теперь я счастлива, как полна желанием жить.

Недавно я прочла одну книжку. Она доставила мне много радости: в ней я увидела себя. Герой её из нищеты, со дна поднялся на гребень жизни, подобно тому, как это было со мной.

Прости, мой далёкий, что пишу так беспорядочно. Мысли теснят одна другую, твоё письмо вызвало столько воспоминаний.

Я вижу себя и такой, какая я сейчас, я вижу себя и прежней, я чувствую, что многого добились, я радуюсь и без страха смотрю вперёд, где мне предстоит ещё немало трудного.

Пишу тебе письмо, а сама слушаю по радио «Неоконченную симфонию» Шуберта. Какое богатство звуков! В них погружаешься, они подхватывают тебя и несут, и несут... Вначале тихие, мягкие, нежные, постепенно усиливаясь, они звучат, как гром, потрясающий всё. Опять утихают и вновь разрастаются, словно буря.

Нет! Пока не дослушаю – подожду с письмом.

Рядом сидит Кадрия. Даже она говорит:

– Мамочка! Такая хорошая музыка, а ты не слушаешь!

Рафаэль спит. Он спит так же, как и ты, подложив ладонь под щеку. Чему-то улыбается во сне.

Кадрия задумалась. Ей уже семь лет. Ты бы не узнал её, Искандер! Она сильно выросла, стала умной девочкой, иной раз вызывает удивление взрослых своей сообразительностью.

О чём думает моя дочь? Может быть, о том, что принесёт ей завтра мама, придя после службы домой, а может быть, и о том, почему же так долго не возвращается папа...

Мы сидим тихо, мы молчим. А звуки льются и льются. Звуки любви и ненависти. Здесь, далеко от Москвы, симфония Шуберта звучит как-то по-особенному сильно.

И в этой глуши я не чувствую себя одинокой, отрезанной от мира.

Москва! Ты не забыла меня. Ты помнишь о нас, ты посылаешь в далёкие уголки нашей земли бессмертные звуки творений великих композиторов, прекрасные слова поэтов, чудесные голоса певцов, ты несёшь, Москва, земле своей всё лучшее из того, что создал человек. Прими же за это моё спасибо.

Продолжаю письмо. На чём я остановилась? Ах, да. Я говорила о себе.

Был 1923 год. Устав скитаться – жизнь до этого не улыбалась мне, – я приехала в Казань и поступила на рабфак Казанского университета.

В первые же дни от избытка радости, счастья я была как хмельная.

– По этим улицам, по этим коридорам когда-то ходил великий Ленин, – говорила я себе.

– В этих аудиториях учился Толстой, сюда мечтал поступить молодой Горький. Здесь когда-то звучали голоса величайших людей земли, – думала я.

Бывали минуты, когда я, прислонившись к белой колонне университета, готова была на весь мир кричать о своём счастье!

Бесконечная радость охватывала меня. Ведь это был путь к настоящей большой жизни. Я чувствовала себя так, будто всё самое лучшее, самое прекрасное, сливаясь воедино, наполняло моё сердце. Сквозь душистую листву сада, в котором я очутилась, виделось мне радостное будущее.

На душе у меня было легко-легко.

Вот тогда-то я и встретила тебя. Каждая любовь имеет своё начало. Но у настоящей любви предела нет.

Бывают годы, в которые только и хочется – любить.

Ведь и яблоки, зарумянившись, созрев, заводят игру с землёй. Они падают на её грудь и прячутся в густой траве.

И цветёт черёмуха, поют соловьи, соком наливаются вишни, становясь всё слаще. Я тоже налилась тогда – избытком сил, молодостью, счастьем. Я не любила ещё, но ждала любви. Я не знала любви, но мне хотелось целовать, закрыв глаза, не думая ни о чём...

У нас начались репетиции к большому студенческому вечеру.

Я жила в общежитии рабфака, что на улице Островского. В одной комнате нас было пять девушек. Хотя все мы были разной национальности, но жили дружной, чем родные сёстры.

Знаешь, Искандер, мы больше всего думаем о будущем. Радостное сегодня и чудесное завтра заслоняют прошлое. На думы о прошлом остаётся мало времени.

Ох, это прошлое! При одной мысли о нём я испытываю ужас и тоску.

Наш университет имеет вековую историю. Но до 1917 года в его стенах училось всего-навсего шесть студентов-татар. И это на протяжении ста лет! Да и те шесть были не просто татары, а сыновья помещиков и купцов.

А сейчас тысячи таких же, как и я, девушек, тысячи юношей-татар окончили университет, получили высшее – вслушайся в это слово – высшее образование!

Я очень любила петь. Музыка, литература – меня всегда влекло к ним. Я думала о том, почему у нас, татар, плохо развивалось искусство. Тогда же нашла я одну из многих причин. Раньше нашим отцам говорили:

– Не рисуй, брось! На том свете душа твоя переселится в твой рисунок. Он отнимет твою душу и оживёт, а ты останешься без души и будешь вечно гореть в адском огне.

Им говорили:

– Не пой! Своим пением ты созываешь нечистых. Не танцуй! Ты пугаешь ангелов...

А сейчас... ты знаешь, Искандер, мы не боимся испугать кого-либо и не боимся испугаться сами.

Как только нам сказали, что будет вечер, мы всей комнатой записались в число его участников.

Первая репетиция была назначена в общежитии студентов Татарского коммунистического университета. Ты уже был там, когда мы пришли. Мы шёпотом заговорили о тебе.

– Кто это? – спросила я.

– Наш режиссёр, артист Искандер, – ответил один из студентов.

Не скрою – ты многим нашим девушкам понравился. А Лиза, увлекающаяся и восторженная Лиза, прозванная нами за это «градусник», так прямо и заявила:

– Ну, что за прелесть! Вот бы расцеловать его! – и пошла к тебе.

Мы удивлялись её смелости, а сами скромно держались в стороне.

Вернувшись, она рассказала нам о цвете твоих глаз, о голосе, об улыбке, обо всём, что успела рассмотреть в тебе.

Ты действительно был красив. А наше воображение сделало тебя ещё лучше, ещё прекраснее.

Мы смотрели на тебя с обожанием. И чем больше мы скрывали это, тем сильнее влекло нас к тебе. Мы видели в тебе воплощение всего прекрасного. Ты казался нам и умным, и талантливым. Ты был актёром. Для нас это не звучало как профессия. Нет! Это слово означало призвание, поэзию, мечту. Поэтому-то на твоих репетициях бывало так много девушек.

А в те дни, когда не было репетиций, мы, собрав последние гроши, бежали в театр смотреть тебя. О! Тогда я ещё больше стала тянуться к тебе.

Любовь даёт человеку радость и силы. В те дни, несмотря на бессонные ночи, я не чувствовала усталости. С радостью встречала я каждый день, я ждала, когда, наконец, будет наш вечер, к которому готовила «Песню о жизни».

Давно я носила её в голове. Песня сложилась как-то сама собой. Но мотив не рождался. Я чувствовала его, он витал близко, вот-вот готовый появиться, как забытое слово, как имя, которое стараешься вспомнить. Но мотива не было. И я не могла петь.

Твоя улыбка, твой ласковый голос, твои голубые глаза окрылили меня. Они дали моей песне музыку. В неё, в эту песню, я вложила всю нежность, всю силу своего чувства к тебе.

Целыми вечерами просиживала я над песней, над её словами и звуками, выбирая самые лучшие, самые простые и душевные. Я хотела, чтобы она была песней свободы и красоты, песней о земле и любви. Оттого ли, что я так долго и много думала о ней, песня завладела мною, она звучала во мне. И где бы я ни была, в городе, в лесу, на занятиях, она не оставляла меня. И мне казалось, что она становится ещё лучше. Будто она согрелась на утреннем солнце, впитала в себя запах полевых цветов, будто освежили её вечерние ветры.

И вот настал наш вечер.

Труды мои не пропали даром. С каждым звуком росла моя песня, ширилась, как родник, выбившийся из-под зелёной травы и в пути превратившийся в большую реку...

Меня вызывали, а я, смутившись и не зная, что делать, убежала за кулисы и спряталась между декорациями.

В это время кто-то подошёл ко мне. Моего лица, моих волос коснулись руки, и, затаив дыхание, услышала я знакомый голос...

Это был ты.

Я не ответила тебе. Я смотрела в твои глаза, и у меня не было сил говорить.

И навсегда запомнилось мне, как я, не отрываясь, смотрела на тебя, как чувствовала, что краска заливает всё моё лицо, как от сознания этого я ещё больше краснею...

Ты был так близко... Желание убежать охватило меня. От счастья, от радости хотелось мне бежать... Но я боялась тронуться с места. Теперь смешно вспомнить. На левом чулке была дырка. Перед выходом на сцену я тщательно запрятала худую пятку в туфлю, а теперь предательская дырка вылезла наружу. Я ругала себя за то, что не успела заштопать её, за неряшливость, и боялась пошевелиться, чтобы ты не заметил.

Ты улыбался.

После концерта были танцы. Ты пригласил меня на вальс.

– Галия, вы созданы для сцены! – говорил ты. – Вы не знаете себя, вы хотите погубить свой талант в анатомичке, в больнице. А я предсказываю вам блестящее будущее. Вы станете знаменитой певицей. Вас будет слушать вся страна!..

Ты много говорил тогда, Искандер! Ты сказал:

– Я люблю ваши глаза, Галия! Я вижу в них себя...

Ты сказал, что готов быть моим другом и наставником в музыке. Ты предложил проводить меня, Искандер.

Я с радостью пошла с тобой.

Нас провожало много взоров. Мне особенно запомнились чёрные глаза нашего студента Вали Сафиуллина, о встрече с которым ты пишешь теперь в своём письме. Он любил меня. Правда, Сафиуллин об этом никогда не говорил, но его задумчивый вид, его робость при встречах со мной, его глаза, внимательный взгляд, которым он провожал меня, говорили яснее слов.

И знаешь, Искандер, меня внутренне тянуло к нему. Тогда я не отдавала себе отчёта в том, что же это – дружеское чувство или что-то иное, большее. Но теперь, когда столько лет прошло с тех пор, когда мы все стали зрелыми, знающими жизнь людьми, я почти верю в то, что Вали Сафиуллин был для меня не только другом. Мне думается, что он, именно он пробудил во мне первое чувство любви. Я тогда многого не понимала, но уже тогда с волнением следила за его взглядами. Помню, как иной раз нетерпеливо ждала я, что он подойдёт ко мне и скажет что-то такое прекрасное... Но он не подходил. Меня охватывало чувство разочарования, пустоты. Мне казалось, что что-то прошло мимо меня. И я злилась, иной раз говорила, сама того не понимая, дерзости Вали, смеялась и трунила над беднягой Вали, хорошим, добрым Вали. И тогда я внушала себе, что в этом умном и серьёзном юноше, лучшем нашем студенте, нет ничего такого, что может привлечь внимание девушки, что нет в Вали мужества, отваги, смелости. «Соня – вот кто он, – внушала я себе. – Таким он и останется, медлительным, нерешительным».

И когда мы в тот вечер выходили из зала, я подумала: «Зачем Вали смотрит на меня, чего ждёт, куда зовёт?»

Искандер!

В тот вечер ты был очень ласков и заботлив. Голос твой был мягок, слова проникновенны. Падал первый снег. Снежинки бриллиантами сверкали под луной.

Снежинки ты сравнивал с цветами. И как-то сразу заговорил о смелых, великих людях, которые живут необычайно глубокими чувствами, о людях, обуреваемых страстями. Ты говорил о литературе, о гениальности.

Я слушала тебя, затаив дыхание. Ты окрылил меня своими словами. Мне казалось, что я поднялась высоко-высоко, до самых звёзд.

В этот вечер, шагая с тобой рядом под руку, я была счастлива.

«Вечно любить его, быть его другом, жизнью!..»

Ты проводил меня до общежития. Я была готова до самой зари, до утра пробить с тобой. Но, сама не зная почему, сказала:

– Уже поздно, Искандер, мне пора...

А потом не могла себе простить, что так рано ушла.

– Галия! – прошептал ты. – Галия! Я хочу, чтобы этот вечер не кончался никогда!

Ты говорил это, и руки твои уже обнимали меня.

Не помню, как наши губы встретились. Помню только, каким долгим и томительно сладким был поцелуй.

– Что вы! Не надо! Довольно! – шептала я, а сама желала твоих ласк ещё и ещё.

Не помню, как я поднялась по лестнице. Вступив в комнату, я взглянула в зеркало и впервые в жизни осталась довольна собой. Действительно, любовь украшает человека. Любимый и любимая всегда красивы.

На щеках моих пылал румянец, глаза горели. На плечи падали тяжёлые чёрные косы.

– Тра-ля-ля-ля-ля! – воскликнула я.

Помнишь, Искандер, как в любимой своей роли вихрем вылетала на сцену Ф. Ильская¹ с задорным и радостным возгласом: «Тра-ля-ля-ля-ля!»

– Галия! – поймала я себя на мысли. – Ведь всё твоё веселье и радость из-за Искандера.

Я остановилась посреди комнаты.

– Ну что ж! – решила я. – А хотя бы и так. Пускай будет так. Тра-ля-ля, тра-ля-ля! – и тут же, подхватив стул, начала танцевать.

Насытившись танцем, села за стол и стала думать о будущем, о том, что мы заживём вместе, – ты актёр, а я врач, будем дружить, работать весело, счастливо...

Часа в два ночи вернулись подруги.

– О-го-го! Вон до чего дело дошло!

– Ну, ничего, ничего! Парень стоящий! – говорили они, многозначительно поглядывая на стол. Тут я спохватилась, но было уже поздно. Оказывается, предаваясь сладким мечтам, я испещрила лист вензелями и узорами, бесчисленно повторяя имя – Искандер, Искандер...

Да. В эту ночь я решила, что любовь моя к тебе безмерна, вечна. А Лиза, которая никогда и никого по-настоящему не любила или, вернее, не признавала настоящей любви, на сей случай прочла стихи Гейне:

Старинная сказка, но вечно
останется новой она.
И лучше б на свет не родился
тот, с кем она сбываться должна.

О! Я никак не могла согласиться с последними словами поэта: «Лучше б на свет не родился». Нет, нет, нет! Тысячу раз нет. Поэт неправ. Не берусь судить о его времени, но сейчас, в наши дни, мы не боимся любви, мы ищем её, мы хотим её, ждём, мы любим, любим смело, преданно, нежнее и искреннее, чем кто-либо и когда-либо.

¹ Ильская Фатима Салиховна — народная артистка ТАССР, РСФСР.

Следующий день был днём отдыха. Я и Фатыма не спали всю ночь. Мы говорили о тебе. Ты помнишь Фатыму? Она и потом не покидала меня, часто заходила к нам, а уехав, ещё долго продолжала писать.

Тогда, говоря о тебе, будто бы не придавая своим словам особого значения, осторожно, чтобы не обидеть меня, Фатыма сказала:

– Смотри, Галия, хорошенько подумай, так ли он любит тебя, в тебя ли он влюблён?

Я удивилась.

– Может быть, ему понравился твой успех, твоя песня, юность, с которой легко поиграть?

О! Я ничего не ответила ей. Что могла я сказать ей в ответ, когда ты был моей первой любовью, когда в тебе находила я лишь самое лучшее, самое прекрасное. Всё в тебе было дорогим для меня.

О свидании мы ни условились, репетиций больше не было, а увидиться так хотелось.

Я рано встала, оделась и, никому ничего не сказав, вышла на улицу.

Крыльцо, где ты меня поцеловал в первый раз, показалось мне теперь каким-то иным, особенно хорошим.

Я пошла по набережной. Куда я шла, зачем? Не знаю. Возможно, ты случайно сказал, что живёшь на этой улице... Да, да... Кажется, именно так и было. Но как длинна улица, как много на ней домов!

Я долго ходила по набережной, с надеждой поглядывая на окна.

«Не здесь ли живёт он, моё счастье, моя радость! Что он делает сейчас? Думает ли обо мне?»

Вдали показался мост. Погода была в этот день тёплая.

Я долго стояла на мосту. Сама не зная зачем, считала проходивших по нему людей. Когда я досчитала до ста, мне стало казаться, что все прохожие оглядываются и смотрят на меня, и знают, зачем я сюда пришла... Вот идёт ещё одна пара. Должно быть, муж и жена. Он идёт впереди, она поспевает за ним следом... Они идут, перебрасываясь торопливыми, отрывистыми фразами, будто каждый из них что-то бормочет себе нехотя под нос. Кто знает, быть может, в юности, ожидая завтрашних встреч, они проводили бессонные ночи, а утром нетерпеливыми взглядами торопили часы. А сейчас...

Искандер!

Меня и теперь не оставляют эти думы. Я часто спрашиваю себя: почему ещё есть у нас плохие семьи?

Я читала о Карле Марксе воспоминания его дочери.

В самые тяжёлые минуты, – а сколько было таких в их жизни, – даже когда Маркса в двадцать четыре часа выселяли из города, они были бодры, чувство юмора не покидало их. А как они любили друг друга! Маркс гордился красотой своей жены. Великий Маркс, написавший «Капитал», открывший человечеству новую науку, находил время, чтобы собирать для своего друга – жены – прекрасные народные песни. По вечерам своим детям читал он «Нибелунгов» и Шекспира.

Его Женни помогала ему в работе. Она переписывала набело его книги. Она помогала ему издавать их. Они думали, они чувствовали как одно существо.

Искандер!

Два дня, как письмо моё лежит недописанным. О чём я говорила?

Да. Есть хорошие семьи. Я видела их немало. Но хочется, чтобы все семьи были такими. А ведь есть ещё людишки, которые легкомысленны в личной жизни. Они рано женятся, рано выходят замуж, а потом с такой же лёгкостью и поспешностью расходятся. Мол, не сошлись

характерами! А расплачиваются за это дети. Вот тебе письмо двенадцатилетней пионерки Мойкиной:

Убедительно прошу всех работниц, жён рабочих и читателей журнала «Работница» помочь мне найти моего папу – Мойкина Ивана Петровича. Папа мой скрылся тогда, когда я появилась на свет. Его скоро нашли, он два года помогал моей маме и опять скрылся. Теперь вот уже десять лет неизвестно, где он.

Пионерка А. И. Мойкина

Это страшный, обличающий документ. А уверен ли ты, что твоя дочь, Кадрия, не напишет тебе такого письма?

Пишу и представляю себе, как я тогда стояла на мосту. Вот они, ушедшие минуты. Я закрываю глаза и вспоминаю... Ко мне приближаются двое.

Какое счастье идти рядом с любимым! Они прижались друг к другу, они шепчутся, я догадываюсь – они говорят о любви...

Он сказал что-то, она ещё ближе прильнула к нему. О ужас! Что же это такое? Нет, нет! Я отказываюсь верить! Не может быть!..

Это был ты. Сколько бы я себя ни разуверяла, это был ты, ты, ты!

Не веря своим глазам, я шла за вами. Самые страшные мысли терзали меня. Ведь ещё не успели остыть мои губы, согретыми твоими поцелуями, а ты уже готов обнимать другую, кокетливо идущую рядом с тобой. Ещё звучат в моих ушах слова, которые ты вчера говорил мне, а сегодня, сейчас ты повторяешь их другой. Какая низость!

О, Искандер! Я любила тебя, я хотела любить тебя, только тебя одного... Но быть в твоих руках игрушкой, минутным развлечением...

Не замеченная вами, я шла следом до самого театра.

Твой весёлый смех, изящные движения, быстрый поцелуй при расставанье, которым вы обменялись с ней, – теперь для меня бесспорное свидетельство твоего легкомыслия, ветрености, испорченности. Но тогда? Глупая! Я была столь наивна и неопытна тогда, что не поняла тебя.

Прошли недели. Мы не встречались. Нужно ли писать о том, что пережила я в те дни?

Моя маленькая жизнь была полна лишений и невзгод. Сколько довелось мне видеть дурного. Восьми лет я осталась сиротой. Девяти попала на воспитание к родственникам – бездушным, чёрствым людям.

Детства у меня не было. Я нянчила чужих детей. Когда мне исполнилось тринадцать лет, родственники посадили меня на телегу, и чужой незнакомый человек увёз меня далеко-далеко. Только потом я догадалась, что была тайно продана. Теперь тебе понятно, почему я так любила петь песню Залифы?

Мне нравилось, что ты внимательно слушал её. Пела эту песню я по вечерам, сидя на подоконнике у тебя в комнате. За открытым настежь окном была вечерняя тишина. Перед глазами серебрилось озеро, и, как говорил ты, «...неслась печаль Залифы».

Закрой глаза, Искандер, вспомни! Вот я пою. Если ты не позабыл моего голоса, песня долетит до тебя:

Мрачен при грозе Урал,
Ветер с громом заиграл.
Вся слезами залита,
Плачет горько Залифа.

Залифа! Ведь помнишь ты,

Как растила ты цветы,
Как покинула свой сад,
Как тебя твой продал брат.

Участь Залифы ждала меня. Одно воспоминание о том, что я была продана незнакомому человеку, приводит меня в трепет.

Я вовремя убежала от него. Бежать было страшно, но оставаться – страшнее.

Я беспризорничала. Мыкалась по свету. Без вины была виновата. Но, веришь ли, всё это было перенести легче, чем твою ложь.

Ложь любимого тяжелее всего. Есть люди, которым этого не понять. Они слишком легкомысленны и поверхностны. Глубокие переживания им чужды. Они на всё смотрят, как на пустяки. Если бы они смогли прочесть то, что я пишу, они посмеялись бы надо мной. «Ах, – сказали бы они, – какие сентименты, мещанские нежности! Хочешь – живи, а не хочешь – уходи. Подумаешь, переживания!..»

Я думала о Герцене. Человек огромного ума, в котором и тени мещанства не могло быть. Человек, к голосу которого прислушивался целый мир, не побоялся выступить в печати, когда пошатнулась его семейная жизнь. Он пригласил друзей устроить общественный суд и решить, кто прав: он или шарлатан из немецких поэтов, навязывавший его жене дешёвую любовь.

Когда мы всё-таки встретились во второй раз, я спросила тебя, кто была эта дама.

– Просто знакомая, – сказал ты. – Живёт по соседству.

А потом:

– Ах, дорогая, так ты задумала ревновать?.. Напрасно, в моих с ней отношениях ничего такого нет, что могло бы породить подозрения, недоверие с твоей стороны.

Я поверила тебе. Ведь мне самой так хотелось обмануться, так хотелось верить тебе, а не себе.

Люди такие, как ты, умеют быть убедительными даже во лжи. Развращённые, они ухитряются одно слово «люблю» повторять нескольким женщинам почти одновременно. Бывают такие мужчины, которые верят в свою ложь и не могут отличить правды от обмана. Когда они произносят своё «люблю», им, равнодушным и развращённым, начинает казаться, что они и взаправду любят.

Они находятся во власти настроения. Низкие, они далеки от понимания настоящей любви, настоящего чувства. Они слепы и поэтому не в состоянии увидеть прекрасное.

Почему это? Почему вы щеголяете пошлостью и непостоянством? Причин, конечно, много. Женщина – игрушка, забава от безделья, от скуки – это взгляд, оставшийся ещё от прошлого. «Рви цветы, пока цветут...»

Пользуйтесь, мол, всё равно всё увянет, погибнет. Это была не любовь. Это ложь. Это пошлость такая же, как и сама песня. А настоящая, подлинная любовь там, где труд, где «он» и «она» вместе живут, работают. Настоящая любовь была у девушек, предпочитавших смерть жизни с нелюбимым, у жён декабристов, рискнувших, невзирая на все невзгоды, идти за мужьями в далёкую Сибирь.

Когда я училась в университете, пришлось мне бывать в Заречном – фабричном районе Казани. Там я обучала грамоте рабочего Галиакбера-абый. Вот где была настоящая советская семья!

– Самому неловко оставаться неграмотным, – сказал мне Галиакбер-абый, когда мы впервые встретились. – Детей вырастил, специалистами стали, а сам я ни то ни сё!

До революции Галиакбер-абый работал на Бондюжском заводе, потом перешёл на Алафузовский. Работая по десять-двенадцать часов в сутки, он едва мог прокормить семью. Жили они тогда впроголодь. В холодном бараке умерло у него трое детей. А сейчас? Не хочется уходить из его уютной, тёплой квартиры: три солнечных комнаты, ванна, отдельная кухня. Стар-

ший сын его – командир Красной Армии, другой сын – инженер, одна дочь – инженер-химик, младшая – студентка музыкального техникума.

– Может, действительно толк будет? Давай учи! – сказал он, садясь за книгу.

Иногда Галиакбер-абый рассказывал мне о своей жизни, а я – о себе.

– Оба мы с тобой одной яблони яблоки! – улыбаясь, говорил он.

За три месяца Галиакбер-абый научился читать и писать. Лаской и любовью он заставил учиться свою жену. Если бы ты видел радость этих людей – помолодевших, дружных!

Я к ним привыкла и даже привязалась. Они обращались со мною как с дочерью. А ведь я была совсем одна!

Письмо второе

Искандер!

Первое письмо так и лежит неотосланным. Мне хотелось в нём объяснить тебе всё, что меня волновало, волнует и теперь, о чём я не могу не думать. Хочется высказать всё... А получается длинно, бестолково, и, главное, то, что хотелось сказать, остаётся невысказанным. Молчать же нет сил. Твоё письмо растревожило меня, и хочется говорить, говорить, нет, больше – кричать.

Не знаю, пошлю ли я это второе письмо. Я начинаю думать, что пишу это больше для себя, чем для тебя. Пытаюсь восстановить прошедшее, не просто вспомнить, а как следует отдать себе отчёт в том, что сделано и как поступать дальше.

– Я люблю тебя! – сказал ты тогда, во вторую нашу встречу. – Я хочу начать жить по-новому. Не скрою, я знал много женщин. Но вся эта жизнь, наполненная мимолётными увлечениями, мне надоела. Я хочу любить только одну. Хочу любить тебя, именно тебя. Пойми, родная, это не слова. Я зову тебя, Галя! Слышишь, зову. Решай же!..

«Чтобы любить хорошо, надо любить много», – сказал Анатолий Франс. Ты человек сцены, подумай, не был ли ты актёром и в любви? Не любил ли ты столь много, что потом потерял способность искренне любить? Иначе как понять твою фразу: «Все мои прошлые увлечения были для того, чтобы я мог теперь крепче любить тебя. Твоя большая любовь уничтожит всё старое во мне!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.